Всё, что сказано три раза, становится истиной.

Льюис Кэрролл.

Намедни меня оскорбили. Публично. И я смолчал.

Правда, оскорбили не одного меня. Досталось всем скопом. И все промолчали в ответ, то ли приняв сказанное за истину, то ли не найдя что ответить, то ли просто из трусости.

Но меня это мало утешает.

Что мне дело до всех. Я в ответе за своё собственное поведение.

А я смолчал.

И, в общем-то, повода для оскорблений не было. Так, одно желание показать – кто тут хозяин. Мог бы и аргументы веские подыскать при ответе обидчику. И за острым словом в карман лазить бы не пришлось: уже соскользнуло в полость рта, да вот до кончика языка не добралось.

Мог бы... Но ведь смолчал. И появился прецедент. Можно теперь и меня, и тех, кто рядом со мной смешать с трёхфазной коллоидной системой – отходами жизнедеятельности, транспортирующимися по кишечнику в пластичном состоянии и по-научному именуемыми «фекалии». Всё дозволено теперь...

Кем-то, когда-то и для чего-то была разработана система анкетирования «ППС глазами студентов». Хорошее дело, не спору. Но когда из полусотни прослушавших курс лекций только трое дают оценку преподавателю, а потом на основании их оценки рассчитывается рейтинг и делается публичное заявление, что преподаватель этот – мусорный, я задумываюсь над тем, для кого это дело особенно хорошее.

Я не говорю сейчас о репрезентативности исследования, об объективности оценки, – пусть всё это останется на совести и профессиональной компетентности проводивших исследование.

Я о том, что, по-видимому, прав английский классик: трехкратное повторение – достаточное основание для того, чтобы стать поводом для безапелляционных публичных оскорбительных заявлений.

Десять минут непрекращающегося жёсткого повторения на повышенных тонах, что мы все напрасно возомнили себя учёными – мы всего лишь мусорные преподаватели. И цена нам – соответствующая.

В ответ промолчали все – и старшие преподаватели, едва начавшие свой трудовой путь, и доценты, научная репутация которых подтверждена публикациями в солидных научных изданиях, и профессора, по чьим книгам выучилось не одно поколение...

Как она ни пыталась, она не могла найти тут ни тени смысла, хотя все слова были ей совершенно понятны.

Льюис Кэрролл.

Я не хочу больше жить, с невероятными усилиями пробиваясь сквозь толщу сопротивляющейся разуму материи.

Я всегда полагал, что задача учёного – развивать науку и готовить новое поколение учёных, а задача учителя – воспитывать достойного гражданина общества и передавать ему накопленные знания. Как я, оказывается, заблуждался!

Главная задача учёного – обеспечить себя достойным индексом Хирша и накопить портфолио Scopus'овских публикаций, а главная задача учителя – набрать рейтинг не ниже десяти баллов из десяти возможных.

Именно по этим критериям нас и оценивают. А все истории про необходимость воспитывать в ученике человечность и доброту хороши лишь для добрых сказок на ночь... Жизнь требует проскочить мимо этих Скиллы с Харибдой. Но как быть, если их частые, острые, расположенные в три ряда зубы так и норовят ухватить нас за выпирающее чувство ответственности?

А никак. Копите денежки на выполнение эффективных договоров, и не заморачивайтесь по всяким там старорежимным понятиям.

Статья в Scopus – в общей сложности тысяч в восемьдесят обойдётся, командировка в дальнее зарубежье для участия в международной конференции с публикацией материалов – в общей сложности тысяч в сто, издание монографии – ещё тысяч семьдесят... При средней зарплате в 27 тысяч мне девять месяцев придётся не есть, не пить, не ездить на транспорте и не платить за квартиру, чтоб обеспечить себе почётное право быть мусорным преподавателем, с подобострастным выражением на лице выслушивающим грозные оклики начальства.

А ведь признания в мировом научном сообществе можно добиться лишь после того, как проведёшь достойное исследование, тоже, кстати, требующее капиталовложений.

Казалось бы, что тут не понятного? Но вновь и вновь, как говорили древние греки, τὴν Χάριβδιν ἔχφυγών τη Σκύλλη περιέπεσον – то есть, избегнув Харибды, натыкаешься на Скиллу...

– Нельзя поверить в невозможное!

– Просто у тебя мало опыта, – заметила Королева. – В твоём возрасте я уделяла этому полчаса каждый день! В иные дни я успевала поверить в десяток невозможностей до завтрака!

Льюис Кэрролл.

А может и впрямь мы мусорные преподаватели? И работаем не в уважаемом всеми учреждении, а в помойном ведре? Да и не работаем, а так – лежим на самом дне и тихо разлагаемся, источая запахи, присущие отнюдь не фимиаму и амброзии?

Во-всяком случае, меня моё начальство уже почти убедило в этом.

А вас ваше?